

18+

МИХАИЛ АЛЕКСАНДР

ОЧЕНЫРД

Михаил Александр

Оченьрд

«Издательские решения»

Александр М.

Оченьрд / М. Александр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985025-6

В мире (хм, как неожиданно!) свирепствует смертельная эпидемия. Егор точно знает, что делать: туго набив огромный рюкзак, он отправляется на Полярный Урал. Там, на заброшенной метеостанции у подножья хребта Оченьрд, он планирует переждать апокалипсис. Однако реальность вмешивается в его планы самым причудливым образом. Теперь, поставив всё на карту (в данном случае — географическую), Егор получает шанс спасти не только себя, но и человечество.

ISBN 978-5-44-985025-6

© Александр М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оченьрд

Михаил Александр

© Михаил Александр, 2020

ISBN 978-5-4498-5025-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Свежий ветер гонит рваные, набухшие дождём облака, колышет розовые свечи иванчая, растущие в изобилии вдоль железнодорожного полотна. Здесь, в тундре, в горной долине, окружённой невысокими серыми сопками, почти ничто не может помешать ему. С явным пренебрежением – так отмахиваются от мелкой мошки – огибает воздушный поток пару брошенных заколоченных сараюшек, на одном из которых ещё можно разглядеть выцветший триколор и покосившуюся табличку со сплошными сокращениями: «Ст. 110 км Сев. ж. д.». Станция, впрочем, мало напоминает то, что мы привыкли называть этим словом. Здесь не найдёшь платформы или билетной кассы, зала ожидания и камеры хранения, рамки металлоискателя со скучающим охранником, путейца в оранжевой жилетке, не увидишь бездомного, уснувшего на лавке, не услышишь завывающий оклик диспетчера. Кругом только мокрый травянистый простор, где звенит комарьё, вспархивает пугливая птица, копошится заяц, и ничто – помимо протянутых из конца в конец рельсов – не предвещает человека.

Поезд появляется неожиданно как бы из ниоткуда – только что не было, и вот он есть, – локомотив и три пассажирских вагона, раскрашенных по обычаю серым и красным. Короткий состав движется по единственной колее так неторопливо, словно ему совершенно некуда спешить. Ближе к домикам поезд сбавляет ход и, наконец, останавливается, подобный гигантскому зверю, охает, выдыхая тяжёлый воздух из металлических лёгких. Проводница, как и положено ей от века, открывает дверь одного – в данном случае среднего – вагона. Вид девушки несколько необычен и удивил бы всякого, кто разглядел бы её со стороны. С уместной и опрятной серой формой, аккуратной белой блузкой и фирменным шейным платком едва ли сочетаются диковинная медицинская маска, прикрывающая нижнюю половину лица, испуганные глаза над маской и дрожащие торопливые пальцы, сжимающие ручку подъёмного люка. Справившись со своей привычной обязанностью, проводница исчезает в глубине тамбура, и тотчас в проёме двери появляется единственный пассажир, который поспешно спрыгивает на щебень. Спустившись, он сейчас же оборачивается и вытаскивает вслед за собой рюкзак – огромный, ста двадцати литровый тук, который тяжко плюхается к его ногам. Этот мужчина – тоже в маске! – молод, довольно высок и явно физически крепок, однако рюкзак всё же выглядит слишком большим, чтобы один человек мог сдвинуть его с места и, тем более, перенести на значительное расстояние. Проходит всего несколько секунд, прежде чем дверь вагона резко захлопывается, красивое женское лицо мелькает за мутным стеклом и исчезает. А ещё мгновением позже тундру оглашает протяжный тепловозный гудок – и состав трогается, набирает ход, грохает по близкому мосту через небольшую речушку и постепенно стихает, исчезает так же таинственно, как и появился. Только тогда молодой человек снимает повязку, прикрывающую его нос и рот, аккуратно складывает, прячет в карман ветровки, проводит руками по коротко стриженным волосам, разминает плечи и глубоко вдыхает – наконец, безопасный! – прохладный летний северный воздух.

С явным усилием взвалив рюкзак на плечи, мужчина направляется прочь от насыпи по единственной грунтовой дороге. Его внешность выдаёт в нём человека опытного, не впервые оказавшегося в столь отдалённой местности: плотные штаны армейской расцветки, крепкие горные ботинки, стильная синяя ветровка поверх флисовой кофты. Он движется уверенно, как человек имеющий ясный план, и вскоре приближается к первому из нескольких двухэтажных барачков, когда-то образовавших посёлок. Дома заброшены – это видно с первого взгляда – двери подъездов распахнуты, многие стёкла выбиты. Ясный план предписывает обогнуть эти бараки справа и двинуться дальше, прочь от посёлка, однако в тот самый момент, когда путник приближается к ветхим постройкам, происходит непредвиденное – погода резко портится. Откуда-то с севера налетает холодный ветер, безобидное облако мрачнеет, мелкая морось пре-

вращается в ледяную крупу. Натиск стихии столь же ошеломителен, сколь и внезапен; острые кристаллы больно секут кожу, не успевшую ещё приготовиться к испытаниям. Молодой человек знает, что это всего лишь вода, что она не может причинить ему никакого вреда, что все его вещи тщательно упакованы в несколько слоёв полиэтилена, однако распахнутая дверь укрытия слишком близко, барак слишком явно безлюден и потому безопасен. Свернув с дороги, мужчина поднимается на засыпанное строительным мусором крыльцо и ныряет в глубину сырого, холодного, но всё же – на фоне разыгравшейся стихии – гостеприимного подъезда.

Внутри – стойкий запах неуютя, пустого, разорённого жилища. Как моллюск оставляет раковину, и та немедленно обрастает, ветшает, трескается, так и человек покидает дом, и в нём немедленно обретают силу общие законы тления. Посёлок геологов закрыли больше десяти лет назад, предоставив всем жителям квартиры в Салехарде. Можно представить, как они уезжали: выносили всё ценное в крепких, надёжно склеенных и тщательно пронумерованных коробках, тащили на руках туда, к станции, где грузили в специально поданные по такому случаю товарные вагоны. Громоздкое или ненужное оставляли, бросали как есть, стараясь заглушить в своём сердце привязанность к некогда милым предметам обихода – скрипучему комоду, щербатой раковине, давно выцветшей картине на стене. Первое время брошенные вещи и сами дома ещё, должно быть, надеялись, что хозяева вернуться – ждали, держали себя в форме, не уступали капризам погоды. Но приближалась осень, и стихии вступали в свои права: ветер ломал стёкла и распахивал двери, дождь проникал в эти бреши, заходили, оставляли свои следы звери и птицы. И вот уже трава прорастает в стыках бетонных плит, ползёт по стенам плесень, сочится вода сквозь дырявую крышу.

В надежде поскорее отгородиться от неуютя человек с рюкзаком толкает незапертую дверь ближайшей квартиры. Дверь нехорошо скрипит, поворачиваясь на испорченных петлях, но всё же открывает взору вошедшего тесное разорённое пространство, когда-то служившее прихожей. Гардеробный шкаф брошен на произвол судьбы, створка треснула и завалилась внутрь, зеркало подёрнулось патиной. Повсюду валяются какие-то случайные предметы, которые то ли не влезли ни в одну коробку, то ли были сочтены лишними в новой хозяйской жизни. Дверь налево ведёт в кухню; заглянув туда, наш герой обнаруживает, что окно разбито, так что дождь и ветер свободно врываются в дыру. От многолетней сырости испортилась мебель, стол размок и скривился, створки навесных шкафов рухнули, обнажив внутренности – стопки потускневших тарелок, оставленные чашки, пустые банки из-под крупы и сахара. В небольшой гостиной обращает на себя внимание притулившееся в углу пианино и потёртый табурет возле него. Другой мебели нет – видимо, хозяева сочли её достаточно ценной, чтобы разобрать и увезти с собой. Инструмент выглядит невредимым, но страшно прикасаться к нему, забывая в сырости и холоде на столько зим.

Дверь из гостиной скрывает от путника последнюю комнату – очевидно, спальню. Доски пола разбухли, так что войти внутрь удаётся с немалым трудом. Здесь не осталось никакой мебели, только висит на стене круглое, тоже потемневшее зеркало, да валяется на полу мелкий бумажный мусор. Окна в обеих комнатах целы, и это большое, двойное везение. Именно на спальне молодой человек останавливает свой выбор. Здесь он заночует, ибо время уже позднее, хотя догадаться об этом, глядя в окно, практически невозможно. Кончается июль, полярный день постепенно сходит на нет, но всё ещё в силе, и большой вклад в сумерки вносит погода. Путешественник выбирает угол почище, опускает рюкзак на вздувшийся паркет и начинает нехитрые приготовления ко сну. Вскоре коврик и спальник развёрнуты, ветровка аккуратно сложена на рюкзак, а дверь в гостиную – несмотря на явное сопротивление – закрыта. Бьющие в стекло дождь и ветер даже в чём-то помогают создать уют. В углу скрытый сумерками валяется рваный календарь за давний год, и милые рисованные котики сокрушаются о своей участи.

Молодой человек погружается в крепкий сон. Во сне он не видит, как около двух часов ночи – дождь не кончился, но заметно ослаб, сумерки редуют – на той же станции делает остановку другой, куда более длинный пассажирский состав. Другая проводница – тоже в повязке! – столь же поспешно открывает дверь вагона, а затем выпускает в темноту ещё одного пассажира с ещё одним – впрочем, куда меньшим – рюкзаком. Надо отметить, что этот пассажир, а точнее пассажирка, как раз не имеет повязки и, главное, никуда не спешит.

2

Звук, от которого просыпается наш герой, проникает глубоко в самую сердцевину его сознания прежде, чем приводит к пробуждению, ибо слишком невероятен, слишком неуместен и слишком противоречит обстоятельствам места и времени. Это звук размокшего и рассохшегося, безнадежно испорченного и расстроенного, но всё-таки фортепиано. Он доносится из-за прикрытой деревянной двери гостиной и выдаёт мастерство и отчаяние музыканта, склонившегося над умершим инструментом. Молодой человек открывает глаза и несколько секунд неподвижно смотрит перед собой, пытаясь вернуться в реальность. Когда это, наконец, удаётся, он первым молниеносным движением тянет на себя ветровку, вынимает из кармана маску и натягивает её на лицо. Что делать дальше? Он силится вспомнить вчерашний ясный план, найти в нём то место, где сказано: «И когда ты услышишь за дверью нежилого барака звуки фортепиано...» – но ожидаемо ничего такого в памяти не находит, ведь и самого барака в плане не было. Потом он смотрит в окно – на улице, кстати, солнечно, только редкие клочковатые облака бегут по небу. Потом на рюкзак. Расстёгивает верхний карман. Вынимает довольно внушительных размеров складной нож, раскрывает его. Делает шаг к двери и резко, без предупреждения, с силой распахивает её.

Первое – нет, второе после музыки – запах. Хорошие духи, вкусные, тонкие, они вырывают из реальности похлеще фортепиано. Это должен быть Париж, как минимум, возможно, даже Ницца, море, набережная. Барак исчезает уже поэтому, без остального, но к звуку и запаху присоединяется картинка. Он видит девушку, чьи тонкие пальцы беспомощно лежат на пожелтевших клавишах. Она облачена в опрятный сине-голубой свитер с угловатым северным узором – олени, треугольники – и чёрные спортивные брюки из плотной синтетической ткани. Каштановые волосы падают на плечи. Нельзя сказать, что она как-то особенно, вызываясь красива, но обстоятельства встречи создают ореол, который на мгновение ослепляет его. «Сейчас она закричит», – думает он и бросает короткий, растерянный взгляд на оружие, зажатое в кулаке. Однако она не кричит, а поднимает на него заплаканное лицо – он видит полные слёз сапфировые глаза – и смотрит как бы даже без удивления, словно её план – в отличие от его – содержит указания и на тот случай, когда за дверью необитаемого барака в Заполярье, где ты играешь на раздолбанном пианино, вдруг обнаруживается незнакомец с ножом. Вместо крика она улыбается, потом говорит:

– Убьёшь меня, да?

Молодой человек складывает лезвие, бросает нож куда-то в сторону, потом неловко врёт:

– Нет, не собирался.

Он смотрит на её тонкие, улыбающиеся, подкрашенные светлой помадой губы, смотрит пристально, несколько секунд, прежде чем понимает, почему их вид так привлекает его. Губы! Вот чего ему не хватает больше всего в последние недели. Теперь нигде не увидишь губы, везде одни повязки.

– Тебе не надо надеть маску? – спрашивает он.

– Маску? Разве ты болен?

– Я думаю, что нет, но ты же не можешь знать наверняка. Почему ты должна мне верить?

Даже я не могу знать наверняка.

Она пожимает плечами.

– Ну, значит такова судьба.

Последняя фраза обжигает, отбрасывает его подобно электрическому разряду вглубь спальни, он прикрывает дверь. Голос становится холодным, напряжённым.

– Что ты хочешь этим сказать? Что ты уже больна?

Она по-прежнему улыбается.

– Разве это так важно?

Он думает. Несколько секунд думает там, в стыдном укрытии. Смотрит в просвет двери на её разложенные вещи – коврик, спальник, сумочку-косметичку, кружевную белоснежную майку, в которой она, вероятно, спала. Вдыхает воздух, пахнувший южным морем. Под босой ногой шуршит рваная газета.

– Уходи, – говорит он. – Собирай вещи и уходи.

Пока она собирается, он мечется по пустой спальне, потом тоже собирает вещи. «Нельзя отступать от плана, – так говорит он себе, – любое отступление может стоить мне жизни. Она возможно – и даже вероятно – больна, иначе бы боялась». Однако часть его разума отчаянно сопротивляется. «Хорошо, – возражает эта часть, – но ведь никто тебя не заставляет приближаться к ней сейчас. Здесь полно пространства, места хватит на всех. Держись на безопасном расстоянии, ставь отдельную палатку, пока не пройдёт карантин. Конечно, никто не знает, сколько в точности надо ждать, но по всем оценкам не больше двадцати дней, а у тебя впереди почти вечность. Если после трёх недель симптомы не проявятся, то она здорова, и она разделит с тобой твою счастливую – или несчастную – участь». Впрочем, невидимый оппонент не унимается: «Но если она больна, что ты сделаешь? Тебе уже сейчас трудно с ней расстаться, что случится дальше, когда она будет лежать беспомощная в палатке и жить только благодаря тому, что кто-то подносит ей еду и воду? Едва ли тогда ты сможешь её оставить? А если нет, то неизбежно заразишься сам, и весь твой гениальный план...» «А в чём смысл всего этого плана, если в мире не уцелеет никто, кроме тебя?»

– Я ушла, – слышит он её голос из соседней комнаты и стыдливо приближается к щели, чтобы ещё раз увидеть её.

Она стоит, повернувшись к нему спиной, он видит только рюкзак. Какой-то не слишком большой рюкзак для зимовки. Маленький рюкзак. По всему видно, что у неё очень скверный, короткий план, не то что у него.

– Может быть, ещё увидимся, – говорит он и сам морщится от того, насколько фальшиво это звучит.

– Нет, – отвечает она спокойно. – Мы больше не увидимся.

– Но почему?

– Ближайшие двадцать дней ты будешь бояться меня, а через двадцать дней меня уже не станет.

– Почему не станет? Ты умрёшь от болезни? Уедешь? Что значит, не станет?

Она не отвечает, просто делает шаг вперёд. Потом ещё. И исчезает. Он торопливо считает до десяти, врывается в гостиную, задержав дыхание. Крышка пианино по-прежнему открыта. Он бросается к окну, чтобы распахнуть, проветрить, убрать опасный воздух, но раму перекосило и она не поддаётся. Кислород в лёгких заканчивается, он вдыхает – через маску – и снова чувствует аромат её духов. Потом хватает табурет, кидает в стекло, ещё раз, ещё, потом бьёт с усилием – наконец, стекло поддаётся, покрывается трещинами, высыпается наружу, в нежаркий солнечный день. Солнце переливается в гранях осколков, торчащих из испорченной рамы. И в эту дыру вдруг слышно собачий лай.

3

Никогда не знаешь, какая маленькая деталь окажется этаким *ultima ratio*, последним аргументом, пёрышком, опрокидывающим чашу весов. Какая невероятная случайность – или же чей-то промысел? – заставляет нас пойти по тому или иному пути. Молодой человек слышит лай и этот звук внезапно решает внутренний спор вовсе не так, как, ему казалось, он решил минутами раньше. Впрочем, собака, возможно, не виновата, возможно, это всё запах, или фортепиано, или губы, или даже свитер с угловатыми оленями. Можно представить, скажем, как студёный воздух в доме нагревается от затопленной печи, и как ей становится жарко, и как она снимает свитер, медленно тянет вверх за нижний край...

Он вновь вынимает убранный было нож и, оставив вещи, бросается прочь из комнаты, из квартиры, из подъезда, выскакивает на дорогу. Они оборачиваются одновременно – собака и девушка, присевшая на корточки рядом с ней, – и второй раз за полчаса он чувствует, как нелепо выглядит с оружием в руках. Собака уже не лает, а ласково склоняет голову под нежными женскими пальцами, а девушка, не оставляя своей заботы, глядит на мужчину сапфировыми глазами и едва заметно улыбается.

– Решил спасти меня от свирепого зверя?

Он разводит руками и сам не знает, что в точности означает этот жест, а она продолжает:

– Не стоило труда.

– Пойдёшь со мной? – спрашивает он, чувствуя себя семиклассником перед лицом первой возлюбленной.

– Ты же только что выгнал меня.

– Я испугался.

– А сейчас не боишься?

– Ну, я подумал, мы же можем держать карантин? Пять шагов или сколько там полагается. Пока не придёт время. Ты можешь надеть маску...

– У меня нет маски.

– Ну, я дам тебе маску. Пока не пройдут эти двадцать дней. Сейчас, только схожу за вещами. Ты согласна?

Она не отвечает, смотрит на собаку, гладит её. Собака, крупная лохматая дворняга, лижет длинным розовым языком ласкающие её пальцы. Он разворачивается, вновь ныряет в сумрак подъезда, толкает дверь квартиры, убирает нож, вынимает запасную маску из кармана рюкзака – хорошо, что есть! – взваливает груз на плечи и возвращается на улицу. Но когда он поворачивает за угол, то видит, что сцена переменилась: собака исчезла, девушка стоит к нему спиной, а в двадцати метрах впереди торчит неприятный рыжий мужчина в камуфляже и сжимает в руках охотничий карабин. Инстинктивно молодой человек поднимает руки, но медленно приближается к девушке. Впрочем, он помнит о пяти шагах, так что останавливается не рядом с ней, а чуть поодаль, благо ширина дороги это позволяет. В правой руке бесполезная маска.

– Куда? – спрашивает неизвестный.

Молодой человек переводит взгляд на девушку, потом отвечает:

– На Оченьрд.

– Зачем?

– Туристы.

– Туристы? – он удивлён. – Нашли время.

Опускает карабин, достает сигарету, зажигалку, закуривает, повернувшись широкой спиной к набегающему ветру. Вдруг снова вскидывается на них.

– Почему в маске? – спрашивает.

– Посёлок. Мы же не знаем, кого встретим.

- У нас больных нет.
- Рад за вас, но осторожность не помешает.
- А почему она без?
- Забыла, – он показывает новую маску, зажатую в правой, ещё поднятой вверх руке. – Там, в бараке, где мы ночевали. Я возвращался.
- Мужчина в камуфляже размышляет. Потом:
 - Вы вместе?
 - Да.
 - Я у неё спрашивал, куда вы идёте. Она не знает.
- Молодой человек и девушка вновь переглядываются. Он:
 - Сложное название. Забыла. Испугалась.
 - Она точно не больна? Нам не нужны больные. Даже на Оченырде.
 - Точно.
- Мужчина в камуфляже думает ещё несколько секунд.
 - Как её зовут?
 - Что?
 - Как её зовут? – на крик.
- Молодой человек беспомощно смотрит на девушку.
 - Меня зовут Даша, – вдруг говорит она громко.
 - Я его спрашивал! Он не знает!
 - Я знаю. Даша. А я Егор, – говорит молодой человек, как бы заранее перепрыгивая через следующую ловушку.
 - Я не спрашивал!
- Ствол карабина мечется, выдавая ярость владельца.
 - Снимай маску, – командует мужчина в камуфляже.
 - Что?
 - Ты оглох? Снимай маску!
 - Зачем?
 - Делай, что говорят! – оружие не располагает к возражениям.
- Егор медленно стягивает кусочек ткани с лица. Теперь в каждой руке у него по маске – и обе бесполезны.
 - Подойди к ней!
- Молодой человек делает несколько неуверенных шагов в сторону девушки.
 - Ближе! – командует человек в камуфляже, не опуская ствола. – Ещё ближе.
- Проклиная всё на свете, Егор приближается.
 - Последний раз спрашиваю, вы вместе?
 - Да, я же сказал.
 - Тогда целуй её!
 - Что?
 - Целуй, что непонятно?
- Вероятность передачи вируса при поцелуе, вспоминает Егор, составляет от восьмидесяти до девяноста процентов. Однако карабин не обещает и десяти процентов на спасение. Всё решает арифметика.
- Даша поднимает лицо, покрасневшее не то от ветра, не то от стыда, поворачивается к Егору, берёт за руку, тянет к себе, коротко прижимает свой рот к его рту. Человек в камуфляже смотрит на них, одной рукой сжимая сигарету, а другой придерживая карабин. Он доволен – ствол снова указывает в землю – и поэтому отодвигается, освобождая им путь.
 - Теперь уходите. Влево, мимо балков, ко мне не приближаться. Уходите.

4

Когда посёлок скрылся из виду, Дарья, наконец, заговорила.

– Прости, – сказала она.

Егор пытался привести в порядок свои мысли – первоначальный гениальный план, шерстяной свитер, губы.

– Ты не виновата.

Нельзя сказать, что он так думал, но нельзя и сказать, что думал иначе. Он не мог поделиться.

– Я виновата, это можно было предвидеть. Мне ничего не стоило попросить у тебя маску раньше.

– Я не знал, что мы кого-то встретим. И ты не знала, что я выскочу.

– Можно было перестраховаться. Посёлок... Ясно же, что люди. И ясно, что они не будут слишком гостеприимны.

– Ну, он бы прицепился к тому, что мы не рядом. Или ещё к чему.

Они и сейчас ещё соблюдали дистанцию, хотя оба не могли бы объяснить, зачем. Беречь оставшиеся десять процентов? Обе маски Егор спрятал в карманы ветровки, даже в разные.

– В конце концов, можно было через тундру обойти, – сокрушалась Даша.

Немного помолчали. Каменистая колея тянулась вдоль реки через редкую лиственничную рощу.

– Слушай, – сказал Егор, – теперь, когда мои шансы почти равны твоим, я, наверное, имею право знать больше. Ты больна или здорова? Сама не знаешь?

– Он умер, – просто сообщила Даша.

– Кто умер? – догадаться было сложно.

– Мой парень.

– Твой парень умер? От чего?

– От этого и умер.

– От этого? И ты жила с ним?

– Я выждала положенные двадцать дней после его смерти, – сказала Даша. – Потом поняла, что ничего нету, никаких симптомов. Лихорадки нету, головокружения нету.

– Хорошо, предположим, ты каким-то чудом от него не заразилась. Но тогда зачем ты приехала сюда, да ещё и без маски? Я взял целое купе, чтобы никого не видеть, я боялся выходить... А ты? Решила, что у тебя иммунитет? Написано же, что если не переболел, то точно нет иммунитета.

– Много чего написано. Но дело не в этом. Просто я поняла, что не хочу жить без него.

– Допустим. И?

Даша опустила голову, но не сбавила шага.

– Я приехала сюда умереть, Егор.

Он молчал, осмысливал. Странно это звучало. Он вспомнил её губы. Тёплые.

– Сюда? Но зачем?

– Знаешь, как говорят, увидеть Париж и умереть. Вот я так же хотела увидеть эти места.

И умереть.

– Как?

– Что? Умереть?

– Да. Как физически?

– У меня есть флакон. Яд. Хороший. Много.

– Откуда?

– От подруги, из одной химической лаборатории.

- Но там же строгий учёт.
- Конечно. Был.
- Что? – он не расслышал или не мог поверить.
- Был, пока ответственный за этот учёт не заболел.
- Но у него же есть какой-то заместитель? Руководитель?
- Конечно. Был.

Егор молчал какое-то время. Он пытался понять – и не понимал. В то время когда все отчаянно пытались выжить...

– Но ты всё же взяла рюкзак?

– Ну, разумеется. Я же не хотела умереть на станции. В чём смысл? Станции есть везде. Я хотела побродить здесь, забраться куда-то. И я, конечно, хотела спать в тепле и есть сытно. Почему нет?

– Как долго?

Даша подтянула широкий пояс, стягивающий и без того стройную талию, поправила лямки, соединённые ремешком на груди.

– Тут на пару недель примерно. Если не экономить и ничего не добывать. Потом я думаю забраться в какое-то красивое место и... Я подумала, мы всю жизнь чего-то боимся. В горах боимся замёрзнуть, промокнуть, свалиться со скалы. Теперь я могу ничего не бояться. Тебя с ножом, этого мужика с ружьём, эпидемии. Я свободна, Егор. Может быть, впервые в жизни я чувствую абсолютную свободу.

Кровь стучала у Егора в ушах.

– Я думаю, это всё симптомы болезни, – сказал он с явной досадой. – Подумаешь, что у тебя нет температуры. Пишут, что у больных развивается апатия, что они не хотят бороться за свою жизнь, даже если могли бы. Ты просто больна и я теперь, скорее всего, тоже.

– В отношении тебя я чувствую вину. Если бы не я, ты бы сейчас шёл куда хотел и был бы здоров как бык.

Она задумалась, затем продолжила:

– Кстати, а куда ты хотел? На Оченырд? Что это?

– Оченырд, – сказал Егор, – это такой хребет. Красивый. У его подножья лежит озеро. Тоже красивое.

– У тебя богатый словарный запас. Решил полюбоваться? Как сказал этот рыжий, нашёл время?

Егор злился. Прогнать её? Пусть глотает свой яд? Он вспомнил собаку, как она облизывала её пальцы. И губы, конечно, тоже вспомнил.

– На этом озере есть заброшенная метеостанция. Дом. Пустой.

– Что?

– Там дом. Заброшенный, с советских времён.

– Откуда знаешь?

– Я был там.

– В доме?

– Не в доме, но рядом.

– Когда?

– Ну, несколько лет назад. В поход мы ходили в те места. Какая разница?

Даша подумала, потом посмотрела на его огромный рюкзак.

– Решил схорониться? Пока все не вымрут?

– Типа того.

– И сколько собираешься там сидеть? За месяц все не вымрут, а в сентябре уже выпадет снег.

– Год, – сказал Егор. – За год вымрут, я думаю. Ну, наверное, не все. У кого-то окажется иммунитет. Или вакцину изобретут. Или лекарство. Как-нибудь утрясётся.

И повторил, чтобы это прозвучало более веско:

– Год. До следующего лета.

Даша снова думала.

– Но это самое безумное место для зимовки, – сказала она наконец. – Тут бывает до минус пятидесяти. Ветер. Снега несколько метров. Почти нет дров. Полярная ночь. Нет крупных животных и птиц, мало рыбы. Что бы ни было у тебя в рюкзаке, как ты собираешься продержаться год? Почему не Хакасия какая-нибудь? Не Алтай? Там и климат мягче, и дрова, и животные...

– И люди.

– Ну, какие люди? В Саянах, например?

– Даша, я не знаю там ничего. Что мне, поуглить заброшенный дом, где можно переждать апокалипсис? Найдено сто восемнадцать вариантов, показать на карте, показать списком? Так?

Даша молчала.

– В палатке зимой одинаково смерть, что здесь, что там, – продолжал Егор с жаром. – Но здесь есть дом. Я точно знаю, что он есть. И я точно знаю, что он пуст. И я знаю, что в радиусе пятидесяти, может, даже ста километров нет ни одного заражённого. Нет вообще никого.

– Кроме, возможно, меня.

– Кроме, возможно, тебя.

Опять пауза, опять тяжёлые шаги по неровной колее.

– Выходит, я тебе всё испортила. Такой хороший план.

Егор молчал. Что было сказать? Да, испортила? Я сам испортил? Может, ещё и не испортила? Это всё тот мужик испортил? Или просто судьба? Где правда? Они одолели длинный пологий подъём, спина ныла от тяжести. Слева среди лиственниц показалась небольшая травянистая поляна. Так и не придумав ответа, Егор сказал:

– Давай сделаем привал.

5

Они сидели на рюкзаках, брошенных в придорожную траву, пили воду из реки и закусывали плоскими хлебцами с тонко нарезанным копчёным мясом.

– Знаешь, я представлял это себе совершенно иначе.

– Что именно?

– Апокалипсис.

– Апокалипсис? Разве ты представлял себе апокалипсис?

– Конечно. Ты разве нет?

– Нет, я собиралась жить долго и счастливо.

– Пока смерть не разлучит вас?

– Да, вроде того. И я полагала, что это случится гораздо позже. Но как же ты себе его представлял?

– Ну... Ядерная война, может быть. Астероид. Экологическая катастрофа.

– Ты пересмотрел голливудских фильмов. В жизни всё иначе. Хотя, в общем-то, про эпидемию тоже полно фильмов.

– Эпидемия тоже могла быть. Но нормальная!

– Нормальная? Это как?

Егор задумался. Он чувствовал что-то, что было трудно выразить.

– Понимаешь, я думал, что мы ещё живём в мире, где есть правда и ложь. Нет, я всё знаю, постправда, fake news, все дела. Но я думал, что перед лицом настоящей, общей опасности это прекратится.

– С чего бы?

– Я не знаю. Это глупо, наверное. Но ведь каждый из нас в минуту опасности становится честнее. Не лучше, нет. Но хотя бы честнее. На обман просто не остаётся сил.

– Правительства всегда лгут.

– Но я даже не про правительства. Не только про них. Есть же учёные? Я имею в виду, настоящие учёные. Академики какие-то? Журналисты? Настоящие журналисты. Источники, которым мы доверяли? Репутация? Как могло оказаться, что в критической ситуации нельзя доверять никому, совершенно никому?

Даша молчала.

– Я читал и читал, читал и читал. Я пытался понять хоть что-нибудь.

– Макс тоже. Он ещё и телевизор смотрел. А я быстро отчаялась разобраться.

– Ну, телевизор, по-моему, давно не источник. У меня лет десять уже и телевизора-то никакого нет.

– Да, первые две недели там вообще ничего не говорили. Весь мир бурлил, закрывали границы, отменяли рейсы, а они молчали. Официальные встречи, делегации какие-то. Бред, короче.

– Но потом-то сказали?

– Сказали, но мне уже стало не до того. В середине июня Макс слёг. Я вызвала врача из районной поликлиники. Мне сказали, врача нет. Думаю, врал, просто боялись заразиться. Я сказала, что пожалуюсь на них. Они сказали, что им это всё равно. Я позвонила в платную. Приехал врач. Макс лежит, смотрит новости, бредит о своём излечении. Лихорадка, головокружение. Врач посмотрел, говорит, да, это то самое, ничем не могу помочь. Я спрашиваю, как это не можете?! Он говорит, ну, дайте ему что-нибудь от температуры. И пыхтит как рак. Я спрашиваю, что будет? Врач спокойно так говорит: «Вы умрёте». Я спрашиваю: «Оба?» Он говорит: «Да, оба».

– И ты что?

– Ну, тут я пересилила себя и стала гуглить. Сначала нашла статью, где написано, что это примерно как ВИЧ, передаётся через жидкости, но только пока нет терапии. Подуспокоилась – с ВИЧ живут годами, а жидкостями можно и не обмениваться. Потом, что воздушно-капельно тоже, про пять шагов эти – в тот момент поняла, что тоже заболею. Потом, что вообще неизвестно, вирус или нет. Потом, что всё-таки вирус. Что инкубационный период – три дня. Что от тринадцати до двадцати. Нашла интервью со Свэгсоном. Статью о том, что интервью со Свэгсоном – фейк. Потом, что Свэгсон найден повешенным в семейном доме в Уппсале. Что это другой Свэгсон. Что Свэгсон умер в Стокгольме от открытой им же болезни. Интервью с президентом Каролинского института о разработке вакцины. Разоблачение этого интервью от каких-то учёных из нашей академии. К вечеру у меня уже голова распухла от этого бреда!

– Я про то и говорю. Но кто такой Свэгсон? Я так и не понял, чего все с ним носятся.

– Это шведский учёный, который первым выделил вирус. Якобы. Надеялись, что если он открыл, то он и придумает, как спастись. Подожди, ты же сказал, что тоже всё время читал новости?

– Я читал в начале июня, тогда ещё про Свэгсона не особо писали. Потом у меня тоже, как ты говоришь, голова распухла. Добила меня статья про огуречный рассол. Что он помогает. Баннеры такие, знаешь? Я подумал – очень смешно. Люди мрут как мухи, а кто-то пишет про огуречный рассол. Я вышел в магазин, а там очередь за рассолом. Разливают из бочки прямо в гипермаркете. Восемьсот рублей за литр. Я подумал – идите к чёрту. Бросил читать и стал собирать вещи.

– Долго же ты собирал. Больше месяца?

– Сначала я думал отсидеться. Копил запасы. Ходил ночью за покупками, чтобы людей поменьше. Потом все стали ходить по ночам. Я заперся в квартире. Потом умер сосед. Я слышал возню на лестнице, когда приехала скорая его забирать. Заклеил входную дверь, вентиляцию. Потом понял, что так невозможно – я не мог спать, мне снилось, что эти бактерии лезут изо всех щелей. Надеялся, что разберутся точно, как оно передаётся, и можно будет не опасаться хотя бы вентиляции. Открыл опять новости – а там шлак, ничего непонятно. И рассол. Тогда я купил билеты.

– Пока Макс болел, я тоже читала. И про рассол. И про масонов, конечно.

– Ну, разумеется, куда без масонов.

– И про бактериологическое оружие. Что это американцы выпустили. А шведов просто подставили.

– Не сомневаюсь.

– А Макс умирал.

– Что? – хлебцы громко хрустели, и Егор не расслышал.

– Макс умирал у меня на руках. Сначала он отказывался вставать. Потом отказался есть.

Потом пить.

Егор впервые посмотрел на Дашу, надеясь увидеть слёзы в её глазах, но слёз не было. Она жевала бутерброд.

– Я вызывала скорую. Скорая не приезжала. Я ожидала, что введут карантин. Его даже объявили, но потом выяснилось, что все ездят свободно, дают тысячу на посту и едут. Я видела, как в магазинах брали продукты бесплатно, потому что охранников не стало. А кассиры кричали. Макс умер шестого июля. Похоронить было сложно. Позвонила его родителям, знала, что они не ладят с ним, но тут такое... А мать его говорит – не поеду, боюсь заболеть. И бросает трубку. Врач ехать не хочет. Как констатировать смерть? Справка же нужна, чтобы похоронить. А где её достанешь? Правда, потом оказалось, что справка уже не нужна, потому что на кладбище тоже всем всё по барабану.

Даша доела бутерброд, затем вынула из своего рюкзака пакетик кураги, вскрыла, высыпала на ладонь несколько штук, протянула Егору. Тот взял, не задумываясь.

– Шестого июля я как раз достал пять килограммов сублимата, – Егор похлопал по жирному боку своего рюкзака. – Пять килограммов! Неслыханная удача. Это примерно двадцать пять килограммов свежего мяса. По два в месяц. По семьдесят граммов в день. Не густо, но если найти ещё немного рыбы и оленины...

– Рыбу-то ты как добудешь?

– У меня удочка есть.

– И ловить умеешь?

– Ну, чуть-чуть умею.

– Когда Макса похоронили, я вернулась домой и стала ждать смерти. Вот тогда я уже выключила всё, телевизор, смартфон, купила себе еды на подольше, окончательно бросила работу и стала ждать. Поняла, что мне больше незачем жить.

– А твои родители?

– Последний раз я говорила с мамой в середине июля. Она сказала, что они с отцом никуда не поедут. Говорит, умрём здесь, раз такова судьба. В них всегда это было – фатализм. Я решила не спорить. К тому же, своё решение я уже приняла. Семнадцатого июля я достала яд. Двадцать шестого, когда со смерти Макса прошли эти максимальные двадцать дней, я купила билеты.

– Да, мои тоже отказались ехать. Но почему ты думаешь, – спросил Егор серьёзно, – что ты не больна? Разве апатия, стремление к смерти – это не симптомы болезни?

– Ты не видел, как он умирал, – спокойно ответила Даша. – Он не хотел вообще ничего. Он постоянно бредил насчёт этих статей – то одно лекарство, то другое, то салициловая мазь, то настойка из корок рамбутана. Он не мог вставать, ходить в туалет, минимально обеспечивать свои жизненные потребности. Температура держалась под тридцать восемь всё время, голова кружилась. У меня ничего этого нет. Я ем курагу, видишь, она мне нравится, я понимаю, что она вкусная. Мне не надо себя заставлять, а дней прошло уже порядочно. Нет, я не больна. Просто я не хочу без него.

– Ты не думала, что у тебя иммунитет, и в таком случае ты представляешь уникальный интерес для человечества? Может, из твоей крови можно выделить какие-то антитела? Спасти всех?

– К чёрту человечество.

– К чёрту?

– Мне правда неважно, что с ним будет. Наверное, какие-то учёные что-то изобретут. Люди всегда как-то выкручиваются. Но я не хочу этого видеть.

6

Нарастающий гул автомобильного двигателя заставил их отвлечься от разговора. Вдали на пригорке показался тяжёлый грузовик. Очевидно, люди возвращались в посёлок.

– Давай спрячемся, – сказал Егор. – Я не хочу больше встречаться с местными.

Даша улыбнулась.

– Поцелуй не понравился? Я могу лучше.

Егор вспыхнул. Скорее от гнева.

– Я понятия не имею, что им может от нас понадобиться. Могут отнять еду или деньги. Могут изнасиловать. Могут просто убить. Чего им теперь бояться? Полиции теперь уж точно всё равно. Да и какая тут полиция?

Он уже оттащивал рюкзак в кусты. Лес стоял мелкий, редкий, но между дорогой и речкой шла небольшая гряда, за ней можно было лечь. Грузовик медленно переваливался по неровной дороге.

– Я не буду прятаться. Мне нечего терять.

Времени спорить не оставалось. Егор скатил рюкзак с пригорка, залёг в траву. Устроившись на рюкзаке, Даша жевала курагу. Машина приблизилась. Остановилась. Егор видел, что в кабине сидели двое, оба без масок. Пассажирская дверь открылась, высокий светловолосый мужчина в камуфляже соскочил на землю. На шее у него тоже висел карабин. Дверь хлопнула. Водитель остался в кабине. Позади машины в косых солнечных лучах медленно оседала пыль.

– Привет, красотка, – сказал человек в камуфляже довольно громко, чтобы перекричать грохочущий двигатель.

– Добрый день.

Даша продолжала жевать курагу, как будто всё это её не касалось.

– Угостишь? – он жутковато осклабился, поигрывая карабином.

Девушка равнодушно протянула ему пакетик. Он влез туда своей широченной лапищей, взял полную горсть и принялся жевать.

– Не боишься? – спросила Даша.

– А должен?

– Ну, может, я заразная?

– Заразные бы сюда не забрались, – сказал мужчина уверенно. – Больная не потащится с рюкзаком хрен знает куда. Да ещё и одна. Ты ведь одна?

Даша кивнула. Блондин задумался на несколько секунд, посмотрел вокруг, потом на кабину. Казалось, он решался. Наконец, сказал:

– А чего у тебя ещё хорошего есть?

Егор напрягся. Это прозвучало уже совсем недружелюбно. Даша, очевидно, тоже почувствовала какой-то перелом в интонации и встала. Мужчина указал стволом на рюкзак.

– Давай, открывай.

– Там мои вещи.

– Ясно, что не мои. Открывай.

Даша растерянно оглянулась.

– Живо! – приказал человек в камуфляже, поднимая карабин.

Короткий ствол смотрел прямо в Дашин живот.

– Эй, делай, что говорят. А то я и тебя могу открыть, красавица. Как консервную баночку. Хоп! – он дёрнул стволом вверх. – И ведь мне ничего не будет.

Даша стояла, опустив голову. Егор зачем-то переложил складной нож из рюкзака в карман штанов. От дороги его отделяло метров пятнадцать – броситься на помощь означало нарваться на верный выстрел. Метать ножи он не умел, но и бездействовать было невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.